

Е. В. Южакова

Естественный колорит природной среды всегда оказывает большое влияние на складывающиеся в культуре традиции восприятия и передачи цвета. В русском языке слово «цвет» напрямую восходит к понятию «цветок» (вспомним хотя бы выражение «яблоне́вый цвет», означающее цветение яблоневых деревьев). И хотя в Японии слово «*иро*», имеющее аналогичный смысл, обладает иной этимологией, тем не менее, цветы как одна из колористических доминант мира природы отмечены в японской традиции, пожалуй, даже отчетливее, нежели в какой-либо другой культуре. В эстетической триаде «*сэццэгэка*» объединены три вещи, достойные любования: снег, Луна и цветы. Отличительной чертой каждого сезона является определенный преобладающий тон, создаваемый массовым цветением растений. В течение года приходит время наслаждаться цветением сливы (*умэ*), персика (*момо*), сакуры, пионов (*ботан*), азалий (*цукудзи*), ирисов (*сёбу*), гортензий (*адзисаи*), глициний (*фудзи*), а завершается годовой цикл цветения пышным осенним парадом хризантем (*кику*).

Мое пребывание в Японии совпало с порой расцвета местных гортензий. Латинское название этих растений весьма красноречиво – «*Hydrangea macrophylla*», или «гортензия влаголюбивая». Она распространена на Хонсю и довольно часто встречается в парках, на улицах и возле домов. Невозможно остаться равнодушным при виде высоких, почти в человеческий рост, раскидистых кустов, буквально усыпанных крупными шарами-соцветиями светло-голубого оттенка. Сочетание зеленого и голубого почти в равных долях само по себе зрелище необыкновенное, а воплощенное в столь роскошные формы, да еще под густой тенью высоких деревьев, – почти нереальное.

Как ни странно, именно *адзисаи* послужили поводом для размышлений о цвете в контексте данной культуры. Дело в том, что, несмотря на очевидную прелесть, эти растения всегда занимали довольно скромное место в ряду других, издавна почитавшихся предметов обычая *о-ханами* – «любования цветами». Традиция любования цветением *адзисаи* намного моложе, чем, скажем, той же сакурой. Этот цветок не заслужил к себе внимания, подобного тому, какое издавна уделялось в Японии другим его собратьям. В традиционном искусстве Японии образ гортензии встречается довольно редко. Упоминания о цветке содержатся в поэзии эпохи Нара (710–794), и, пожалуй, на этом заканчивается время *адзисаи* в японской литературе.

После прихода к власти военного сословия и утверждения сёгуната гортензии попали в опалу, так сказать, по идеологическому принципу: их способность менять окраску претила блюстителям самурайского кодекса, провозглашавшего безграничную преданность сюзерену главной добродетелью. В результате гортензии в эпоху Токугава (1600–1867) не пользовались успехом у элиты.

Поэтому в XX в. японцы были весьма удивлены великолепными гибридными формами гортензий европейской селекции. Предварительно вывезенные из Японии в XVIII в. гортензии через Китай попали в Европу, а спустя два столетия «Золушка» вернулась на родину, преобразившись в прекрасную принцессу. Теперь *адзисаи* начинают привлекать к себе все новых почитателей. В настоящее время самая богатая коллекция гортензий на японских островах находится в г. Симода (преф. Сидзуока). Здесь, в парке Сирояма даже проводится *адзисаи-мацури* – праздник, посвященный гортензии¹. Также широко известен сад буддистского храма Мимуродо в Киото, где среди десятка тысяч цветов тридцати разновидностей есть и роскошные гортензии². Однако по популярности эти места не сравнимы со знаменитыми ирисовыми садами Японии. Возможно, одной из причин такого отношения к гортензии является «обыденность» этого цветка? Действительно, *адзисаи* нельзя назвать диковинкой, ведь ее можно увидеть повсюду. Есть свидетельства того, что синие гортензии вместе с белыми лилиями в изобилии росли возле крестьянских домов, и потому *адзисаи* считалась цветком простолудинов³. Период цветения гортензии – примерно два месяца – вполне достаточный для того, чтобы привыкнуть даже к самому чудесному зрелищу. К тому же это растение ассоциируется в сознании японцев с не самым приятным временем года – *байю*, или сезоном дождей, когда в воздухе постоянно висит теплая изморось, небо затянуто тучами, и некуда деться от всепроникающей сырости. Однако цветущие в это же время ирисы, тем не менее, повсеместно любимы. Тому есть несколько объяснений, которые могут увести далеко от интересующей нас темы. Выскажу свое предположение.

Соцветия гортензии могут быть разнообразной окраски, включающей широкую гамму оттенков. Но самыми типичными в Японии являются все-таки голубые *адзисаи*. Собственно говоря, это современный вариант произнесения древнего «*адзу са аи*», что можно перевести как «собрание синих красок». Такой цвет всегда очень ценился в Европе. Спасителя часто изображали в сверкающем синем одеянии. Всем нам хорошо известны и выражение «голубая мечта», как что-то самое заветное и дорогое, и вздохи поэтов-романтиков по поводу небесных глаз юных дев, и трогательные

¹ Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004, с. 109.

² Япония сегодня. 2004, № 7, с. 3.

³ Бубнова В. О японском искусстве. – Знакомьтесь – Япония. 1997, №16, с. 28.

незабудки, тихо лепечущие: «помни меня». В традиции Дальнего Востока голубой цвет лишен подобного романтического флера. С точки зрения древних и средневековых китайцев – это наименее привлекательный цвет. Голубые глаза, цветы, полосы и ленты считались просто отвратительными. Поскольку многое в культуре Японии имеет отчетливо выраженные китайские корни, возможно, негативное отношение к голубому цвету возникло у японцев не без влияния китайцев. В традиционной японской драме синий цвет часто является атрибутом отрицательных персонажей, присутствуя в костюме или гриме. Этот цвет характерен для изображений призраков в японской графике, так как *аои*, кроме прочего, означает мертвенную бледность. Ярким примером может служить серия гравюр «Жизнеописания преданных и верных вассалов» («Сэйтю гисидэн») известного японского мастера Куниёси Итиюсай, созданная в 40-х годах XIX в. Она является иллюстрированной версией истории о сорока семи вассалах, отомстивших за смерть своего господина. На листе, посвященном Цунэё Хаяно, изображение фактически монохромно – черно-белый рисунок дополнен лишь синим тоном, которым «тронуты» и лицо, и руки героя. Дело в том, что до описываемых событий Цунэё не дожил, а в акции возмездия участвовал его мстительный призрак. Мистический, потусторонний характер этого цвета до сих пор дает о себе знать, скажем, в японской литературе. Так, сборник рассказов о чудесах и привидениях, недавно вышедший на русском языке, носит название «Аокумо», т. е. «Голубой паук».

Но не все так однозначно, например, в «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), в эпизоде, повествующем о сокрытии богини *Аматэрасу* в Небесном гроте, упомянуты лоскуты белой и голубой ткани, которыми украсили нижние ветви священных деревьев с горы Кагуяма. Отсюда следует, что голубой цвет наряду с белым ценился настолько высоко, что считался достойным внимания самого высокого божества. Ярко-синий цвет фигурирует и в легенде о принцессе Садзарэиси, удостоившейся за свое благочестие великой милости – быть перенесенной еще при жизни в край Чистой, лазоревой земли Будды Якуси.

Невольно возникает вопрос: может ли во всех приведенных случаях идти речь об одном и том же цвете? И вопрос этот не покажется незначительным, если принять во внимание известное нам теперь расхождение европейского и японского взглядов на небесную лазурь. Внести ясность могло бы обращение к первоисточникам, но это не всегда возможно. Поэтому приходится доверяться переводчикам, а хорошо было бы все же проверить!

Вообще, трактовка Дальневосточными культурами зелено-голубой части светового спектра весьма отлична от европейской. Это отличие отмечается всеми исследователями, соприкасающимися с данной темой, во-вторых, и вызывает даже некоторый соблазн сделать далеко идущие выводы о разнице в зрительном восприятии цвета.

Общезвестно, что для обозначения как синего, так и зеленого цвета в китайском языке, а затем и в японском, применяется одно и то же слово,

как будто переход от одного оттенка к другому не различим для глаз. Тем более трудно представить себе подобную нерасчлененность в восприятии двух самостоятельных цветов, бывших в течение долгого времени знаками двух конфессий, так как синий цвет олицетворял христианство, а зеленый – ислам, в пору их наиболее острого исторического конфликта.

В японском языке прилагательное *аои* может определять и голубизну неба, и зелень лесов (например, название префектуры *Аомори* переводится как «Зеленый лес», но довольно точно передает и общий местный колорит, складывающийся из синевы озер и морских вод, а также зеленого ковра обильной растительности, покрывающего холмистый рельеф).

Для того чтобы понять подобный, недифференцированный подход к обозначению явно различных оттенков цвета, необходимо учитывать тот факт, что в человеческом сознании цвет так же, как и звук, представляет собой не природную данность, а продукт культурного развития. В частности, цвет становится компонентом теоретико-философской метафористики, символизируя одно из первоначал мироздания, его базовых элементов. В древнекитайской космологии таких элементов пять: земля (ей соответствуют желтый цвет и Центр), дерево (зеленый или синий – Восток), огонь (красный – Юг), металл (белый – Запад), вода (черный – Север). Все указанные цвета можно считать основными для данной культуры. Для них существуют самостоятельные определения, или не связанные напрямую с объектами внешнего мира, или успевшие утратить эту связь за давностью времени (так, никто уже и не вспоминает, что слово «синий» происходит от древнеславянского «синь»), что значит «сияющий», «блистающий»). В японских названиях пяти цветов-символов также нет явных аналогий с природными феноменами: *сирой*, *курой*, *аой*, *акай*, *кирой* – белый, черный, синий, красный, желтый.

В японской культуре указанные пять основных цветов обогатились, так сказать, локальными колористическими и смысловыми нюансами, но не потеряли и своего знакового значения, поэтому времена года «окрашиваются» не в соответствии со зрительной ассоциацией (осень – по цвету увядающей листвы; зима – по цвету снежного покрова), а согласно представлениям о направлении, с которого приходит тот или иной сезон (осень с Запада, поэтому ее представляет белый цвет, а зима с Севера, поэтому обозначается черным цветом).

Очевидно сходная ситуация наблюдается и в случае с сине-зеленым симбиозом. Первоначально в китайском языке не было специального термина для обозначения собственно синего цвета. Существовавшее слово «*чинь*» применялось в случаях, когда было необходимо указать на целую гамму оттенков, начиная с серого, через синий и далее к зеленому. Этот набор колористических нюансов уподобляли пути ученого, который прилежно изучает манускрипты и днем, и при свете лампы⁴.

⁴ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996, с.243.

Повсеместно любимый в странах Юго-Восточной Азии камень нефрит, вероятно, можно считать одним из самых ярких проявлений чрезвычайно трудно поддающихся словесному описанию переходов серого в зелень с просинью цвета. Помню, когда я увидела Дайбуцу (самую большую в Японии бронзовую статую сидящего Будды высотой 21,5 м), мне показалось, что эта гигантская скульптура вырезана из цельной нефритовой глыбы. Такой эффект производил цвет состарившейся бронзы, смягченный белым маревом знойного воздуха, поднимающегося от площадки у основания статуи, устланной мелкой светлой галькой. Кстати, японское название бронзы – *сэйдо*, что значит «зеленая медь», а может быть, и синяя, ведь первый иероглиф в этом слове как раз и есть тот самый загадочный *аои*, только в сочетаниях он читается как *сэй*. Храм, на территории которого находится Сёва Дайбуцу носит название «Сэйрюдзи» – «Храм зелёного (синего?) дракона».

Возвращаясь к проблеме голубого цвета в контексте японской культуры, хочется остановиться еще на одном моменте. Похоже, что созерцание чистого купола небес японцам совсем не свойственно. Однажды, заметив мой восхищенный взгляд, устремленный ввысь, мои знакомые поинтересовались: «Что Вы там видите? Там же ничего нет» Так уж сложилось, что сияние небесной лазури является для нас воплощением духовности. Для японцев небо представляет интерес не само по себе, а в качестве места действия какого-либо захватывающего представления. Таковым может быть величественное шествие по своему пути ночного светила (это зрелище имеет богатые традиции и собственное наименование «*о-цукими*») или появление облаков, форма и вид которых многое означали для древних японцев. Не ограничивая себя наблюдением за объектами исключительно природного происхождения, жители Японского архипелага привнесли в список «высоких» действий феерии *ханаби* – шедевры пиротехнического искусства и красочные кавалькады воздушных змеев, а то и их баталии. Таким образом, небо в Японии – лишь сценическая площадка, но ни в коей мере не персонаж вечной мистерии. Не лишним будет заметить в этой связи, что в Древнем Китае, в отличие от Античной Греции, воздушная стихия вообще не фигурирует в построении вещного и духовного мира. А ведь именно воздух по традиции соотносится со светло-голубым цветом.

Любопытно, что до поездки в Японию я долгое время всерьез полагала, что небо в этой стране должно быть окрашено иначе, чем у нас. Такое мнение возникло у меня под впечатлением от японской пейзажной гравюры, а также от просмотра некоторых фильмов о Японии. Трудно сказать, насколько нелюбовь к голубому цвету повлияла на колористические решения японских художников, но небо в их произведениях варьирует от бирюзового до серо-зеленого тона. В традиционной японской палитре имеется цвет, который так и называется «небесный», или, по-японски *сораиро*. Но дело в том, что с точки зрения его цифрового кода (т. е. процентного соотношения составляющих его основных тонов: красного, зеленого и синего) он явно не соответствует представлению европейца о голубом цвете. В соответствии с

японским промышленным стандартом цифровая модель, составленная в указанной последовательности основных тонов, выглядит следующим образом: 153–255–242. Не нужно быть специалистом, чтобы убедиться в преобладании зеленого тона. Разумеется, синий цвет без примесей в изображении горных вывес используется тоже, но, как правило, в темном и густом индиго.

Вопрос о цветовых предпочтениях очень интересен. Даже в рамках одной культуры они могут изменяться и отражать особенности исторических эпох, начиная от природных ресурсов и технологий, которые применялись для производства красителей и окрашивания ими различных материалов, включая тему культурного обмена и заканчивая мировоззренческими константами, под знаком которых проходило развитие той или иной эпохи. Освещение каждого из этих аспектов потребует написания самостоятельного исследования. Но в рамках данной статьи мы ограничимся лишь некоторыми общими моментами.

Из наследия классической японской литературы можно вынести представление о степени распространенности конкретного цвета в одежде представителей различных слоев общества. Уже в «Кодзики», в эпизоде расставания бога Оо-кунинуси с его возлюбленной читаем:

«И вот, взявшись рукой за седло своего коня, ногу занеся в стремя, песню такую сложил:

Облачен я весь
В одежды черного цвета,
Черные, что ягоды тута.
Словно морская птица,
Глядя себе на грудь,
Ими, как крыльями, хлопаю –
Не годны они»⁵.

Так, видимо, желая отсрочить разлуку, были признаны «не годными» для путешествия и одежды «синие, что зимородок». Только на третий раз в одеждах «цвета марены, что на горах выросла» (т. е. в красных с фиолетовым оттенком) готов он был проститься с любимой. Этот выбор весьма показателен, так как демонстрирует устойчивую тенденцию, раскрывшуюся в полной мере в эпоху Хэйан (794–1185).

В творчестве знаменитых писательниц того времени Сэй Сёнагон и Мурасаки Сикибу, которые служили при императорском дворе можно найти многочисленные детальные описания придворных одеяний. Тогда цвету одежды придавалось очень большое значение, ведь по нему легко можно было узнать какую должность занимает носящий их человек, а следовательно, каково его положение в обществе. Знать об этом было просто необходимо, учитывая заимствованные из Китая четкую систему рангов и требовавшую неукоснительного соблюдения соответствующую куртуазную церемонность поведения.

⁵ Кодзики. Золотая книга мифов, легенд и сказок Японии, М., 1996, с.22.

Сэй Сёнагон в своих «Записках у изголовья», которые представляют собой собрание заметок и наблюдений из жизни двора, пишет в параграфе озаглавленном «О том, что великолепно»:

«*Куродо* шестого ранга.

Несмотря на свой невысокий чин, он великолепен! Подумать только, *куродо* вправе носить светло-зеленую парчу, затканную узорами, что не дозволяется даже отпрыскам самых знатных семей!»⁶

По мнению писательницы, также великолепно «светло-пурпурные ткани цвета виноградной грозди». «Все пурпурное великолепно, будь то цветы, нити шелка или бумага»⁷. Среди японских аристократов того времени оттенки лилового и пурпурного цветов были в особом почете. Это было связано с тем, что пурпур всегда являлся знаком роскоши и богатства. Но японцам во все времена была присуща тонкая наблюдательность, внимательное отношение к миру окружающих вещей. Поэтому в записках говорится еще и о том, что «блестящий глянец темно-пурпурных шелков» ночью кажется прекраснее, чем днем, что *куродо* шестого ранга «потому так великолепно выглядят во время ночного дежурства во дворце, что на них пурпурные шаровары». Действительно, в темное время суток или в сумерках все оттенки, включающие в себя часть синего спектра, становятся заметно ярче остальных. Как видим, пурпур не просто демонстрировали с целью шегольства, в него любовно всматривались, изучали его «характер» (по крайней мере, некоторые представители элиты с особо развитым эстетическим чувством).

В церемонии обмена письмами также существовали определенные правила, связанные с цветовым и, как бы мы сейчас выразились, флористическим оформлением послания. Письма было принято писать на бумаге, оттенок и фактура которого приличествовали случаю. Их обычно скатывали в трубку и привязывали к ветке цветущего дерева или стеблю цветка и в таком виде отправляли адресату с посыльным. В параграфе, озаглавленном «То, что пленяет утонченной прелестью», есть следующие пункты: «...Письмо на тонкой-тонкой бумаге зеленого цвета, привязанное к ветке весенней ивы. <...> Письмо, завернутое в лиловую бумагу, привязано к ветке глицинии, с которой свисают длинные гроздья цветов»⁸.

Примечательно, что названные цвета не относятся к основным: пурпурный получается из соединения синего и красного; светло-зеленый – из синего и желтого в различных пропорциях. Очевидно, что основные цвета в силу их глубокой символической наполненности казались не слишком уместными в одежде или быту. В начале эпохи Хэйан существовал специальный свод правил известный как кодекс *Ифукурё*, в соответствии с которым одевались герои Гэндзи моногатари Мурасаки Сикибу. Среди многообразия

цветовых сочетаний в нарядах придворных дам, голубой цвет в них не присутствует. Что же касается мужского костюма, то окрашивание повседневной одежды сановников высшего ранга *носи* проходило в два этапа: сначала ткань красили в синий цвет, а затем по синему – в красный. «Чем старше становился человек и чем более высокое положение он занимал, тем меньше для его одевания использовалось красной краски, и платье приобретало сначала синий, потом все более бледный оттенок, а к старости превращалось в белое»⁹. Синие и голубые тона свидетельствовали как о почете, так и о преклонных годах, поэтому они менее всего подходили молодым красавицам. В их нарядах, уподоблявшихся цветам, был только один цвет, называемый «молодые побеги» (*мозги-сасанэ*), – светло-зеленый на синей подкладке. Впрочем, подкладка в этом случае могла быть и темно-зеленой.

В данном случае очевидна многозначность цвета *аои*, так как в японском языке иероглифический знак его обозначающий встречается в слове *сэйсюн* («юность»). Это слово одновременно является и образным сравнением, поскольку на письме обозначается двумя иероглифами: *сэй* = *аои* и *сюн* = *хару* («весна»). Таким образом, смысл данного выражения можно сформулировать вполне понятной для нас формулой: «молодо– зелено». В Японии иероглиф, обозначающий *аои*, пишется также тогда, когда речь идет о зеленых плодах, еще не достигших зрелости.

По-видимому, именно этому обстоятельству обязан своей исключительной популярностью среди гейш, проживавших в столичном квартале Симбаси, цвет *симбаси-иро* – нежно-зеленый с голубым оттенком, от которого так и веет свежестью и очарованием молодости. Заметим, что из всех традиционных японских цветов, более или менее приближенных к голубому, этот цвет наиболее близок зеленому.

Следующим за ним по направлению к синему участку спектра идет уже знакомый нам цвет японского неба – *сора-иро*. О нем довольно часто упоминается в произведениях японской литературы. В «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу пишет о женщине взмахнувшей «рукавом небесно-голубого цвета», а знаменитый писатель начала XX в. – Танидзаки Дзюнъитиро в своем романе «Тайна» укутывает героиню в небесно-голубое манто.

Наверно, самым близким к традиционно голубому цвету у японцев является цвет, название которого необычно – *цуюгуса-иро* (росная трава). Это не красивая метафора, а название растения, из которого добывали естественный краситель, отличавшийся яркостью и живостью цвета. Однако был и неприятный момент – окрашенная красителем одежда очень быстро выцветала. В старину это растение называлось по-другому – «лунная трава». Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» замечает: «Лунная трава легко блекнет, это досадно»¹⁰.

⁶ Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. – Японские дзуйхицу, СПб, 1998, с. 139.

⁷ Там же, с. 141.

⁸ Там же, с. 141–142.

⁹ Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004, с. 106.

¹⁰ Отоги-дзоси. – Волшебная Япония. СПб, 2001, с. 109.

Но гораздо раньше, еще в VIII веке, в поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») встречается такое стихотворение:

«Лунною травой цукигуса
Это платье крашу нынче я
И мечтаю для тебя, любимый мой,
Я окрасить платье в яркие цвета» (дан 1255)

Этот замечательный оттенок вписан теперь и в достижения генной инженерии. Недавно в прессе появилось сообщение о том, что специалистам компании «Сантори», крупнейшего японского производителя спиртных напитков, удалось после 15 лет кропотливого труда создать сорт роз голубого цвета (в то время как в природе подобной окраски у этих растений быть не может из-за отсутствия необходимого пигмента). Ключевой ген был «позаимствован» у петунии. Лепестки розы нового сорта уподобляют лунному свету¹¹.

Отголоски средневековой символики цвета до сих пор сохранились в художественной системе традиционной японской драмы. В театре Ноо цвет костюма выполняет репрезентирующую роль: он представляет характер персонажа, его социальный статус и драматургическую функцию в спектакле. Двойственное отношение к светло-голубому цвету проявляется и здесь. Он может указывать как на высокое положение в обществе, так и на подчиненную, вспомогательную роль персонажа. В иерархии цветов светло-голубой уступает по благородству лишь белому, если в него окрашена такая непременная часть костюма, как V-образный воротничок *эри*. Этот знак отличает аристократов. Вместе с тем, светло-голубое нижнее кимоно носят во время представления актеры, исполняющие роль *ваки* – второго по значению сценического амплуа. Само название *ваки* переводится как «боковой» «не главный». Светло-голубой цвет символизирует спокойный, уравновешенный характер, и это понятно, ведь в большинстве случаев персонаж *ваки* – странствующий монах. Духи воинов, гневных богов и демонов часто отмечены присутствием в их одежде синего цвета¹².

Показателем культурных традиций осознания и использования того или иного цвета, по нашему мнению, можно считать наличие развитой шкалы его оттенков и иноязычных заимствований для обозначения. Так, например, в японском языке есть целый ряд цветов, которые предпочитают называть словами, пришедшими из английского. К ним относятся: оранжевый, розовый (такой, каким обычно красят детские игрушки), и, конечно же, голубой. Его именуют *брюу*, произнося на японский лад английское blue. Таким образом, избегается употребление слова *аои*, с его многозначностью и, напротив, подчеркивается совершенно определенный светящийся светло-голубой цвет, как в популярной в 60-х годах прошлого века эстрадной песне, где

поется о голубых огнях города Иокогама. В тексте есть такие слова: «*брюу райто Ёкохама*» («голубые огни Иокогама»). В данном случае заимствованный характер цвета передается через атрибутируемый им продукт западной цивилизации – ночную иллюминацию большого города.

Подобным же образом трактуется голубой цвет и в романе «Портрет женщины с жемчугами» Кикиути Кан (1881–1948). В описании интерьера подчеркивается европейский стиль убранства комнаты и непривычное чувство человека, выросшего в обстановке традиционного японского дома и случайно оказавшегося здесь: «Гостиная, очень просторная, выходила окнами в сад и была залита солнцем. На полу ковер с вытканными по зеленому полю цветами, стол красного дерева, диван и несколько кресел, обитых голубой тканью. Шторы тоже голубые. В сочетании с ослепительно-белыми стенами это производило впечатление приятной свежести»¹³.

Если говорить о градации нюансов в границах одного цвета, то в японской культуре наиболее замечательны в этом плане красный и фиолетовый. Причиной тому – сама природа японских островов, щедро расточающая по весне алый цвет сливовых деревьев, затем укутывающая ветви персика нежными цветами теплого розового оттенка. Вслед за тем расцветает сакура, утопая в облаках необыкновенно свежих и утонченных по колориту цветов. Все оттенки красного с переходом в пурпур являет роскошная азалия. Позже взор купается в обильном разливе фиолетового: от сиреневого до темно-лилового. Голубой цвет на таком фоне явно проигрывает: он не переливается множеством оттенков как фиолетовый, не блещет священной чистотой как белый, не волнует воспоминанием о бурном весеннем цветении природы и человеческих чувств. От названий японских растений происходят названия многих цветов, совпадающих с окраской их лепестков: *кобай-иро* (цвет лепестков сливового дерева), *момо-иро*, *сакура-иро*, *фудзи-иро*. «Цвет гортензии», или *адзисай-иро*, также встречается, но обозначает он «цвет-призрак», который не имеет четких характеристик, т. е. так же, как загадочный *аои*. Памятуя об особенностях развития соцветий гортензий легко убедиться в том, что ни одно другое растение не соответствует такому определению в большей степени. Едва распустившиеся гортензии сначала светло-зеленого цвета, затем они постепенно и неуловимо приобретают голубой, или светло-синий цвет. Сталкиваясь с подобными феноменами, приходится только удивляться стойкости представлений, формировавшихся веками, если не тысячелетиями, способности культуры сохранять свой «генетический код» и продолжать развиваться в соответствии с ним, несмотря на, казалось бы, необратимый процесс модернизации и глобальную интеграцию культур.

¹¹ Япония сегодня. 2004, № 7, с.3.

¹² Анарина Н. Г. Японский театр Ноо. М., 1984, с. 120–121.

¹³ Кикиути Кан. Портрет дамы с жемчугами. – Японский психологический роман. СПб., 2003, с. 402.